Без малого два года в Куйбышеве

Большой театр. — 1995. — 17 марта (№ 8).

Начало войны, наверное, всех застало врасплох, и я не был исключением. Казалось бы, так хорошо все начиналось. Закончил Московское хореографическое училище, был принят в Большой театр и с нетерпением ждал открытия сезона. Но, увы, сезон 1941—1942 гг. Большой театр в Москве не открыл. Гитлеровцы подходили все ближе к городу, шла эвакуация москвичей, уже выехал из столицы дипкорпус. Правительство приняло постановление об эвакуации Большого театра в Куйбышев. Говорили, будто лично И. В. Сталин сказал примерно так: «Срочно эвакуировать Большой театр — это наш золотой фонд, его надо сберечь, он нам будет нужен после победы». Действительно, в те трудные дни страна сделала все возможное, чтобы сохранить Большой театр. Около 1000 боеспособных людей получили брони, освобождавшую от воинской службы, и это — в первые дни вой-

ны, когда буквально каждый человек был на счету.

Нас, артистов Большого театра, предупредили об отъезде накануне. Разрешено было взять с собой один чемодан, так как с местами было плохо. Представьте, в четырехместном купе ехало 8—9 человек. Я оказался в купе вместе с А. Ш. Мелик-Пашаевым, и его женой М. С. Шмелькиной, Д. Д. Шостаковичем, А. И. Хачатуряном. В нашем составе было 26 вагонов и два паровоза. Но как мы ехали! Об этом нужно сказать особо — до Куйбышева добирались 22 дня.

Никогда не забуду наших с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем походов за кипятком во время стоянок поезда. Спускаясь с поезда, он неизменно надевал калоши, очень сосредоточенно набирал в чайник воду, возвращался к вагону и перед тем как подняться в него, обязательно снимал калоши, оставляя их на перроне. Я всегда старался

идти следом за ним, и на мой постоянный вопрос: «Дмитрий Дмитриевич, а калоши?» — следовал не менее постоянный ответ: «Но, голубчик, как же? Нельзя же входить в помещение в калошах»...

В Куйбышеве нас разместили в двух обычных школах, разделив классные комнаты перегородками из простынь. В каждом классе жили 18—20 человек. Интерьер их был тоже достаточно традиционен — большой стол посередине, стулья, матрасы. Но стол был самым святым местом. Здесь по вечерам собирались все вместе, пили чай, делились едой — у кого что было, вели разговоры. Через две недели после приезда мы начали заниматься: под репетиционный балетный зал было оборудовано фойе городского Дворца культуры с паркетным полом (того самого, где проходила генеральная репетиция Седьмой симфонии Д. Шостаковича). Класс давал Асаф Михайлович Мессерер. На занятия и репетиции ходили пешком, по полтора часа, а зима 41-го в Куйбышеве выдалась суровая, с 40-градусными морозами, а мы — в легкой одежонке, не рассчитанной на такие погоды, да и уезжали из Москвы ненадолго. Так вот мы и жили: и В. В. Барсова, и И. С. Козловский, и М. Д. Михайлов, и Д. Д. Шостакович, и В. Г. Дулова с А. И. Батуриным, и многие, многие другие.

Жил я, что называется, «дверь в дверь» с М. С. Шмелькиной, с которой мы вместе танцевали, и с А. Ш. Мелик-Пашаевым. Жили очень дружно, старались во всем помогать друг другу. Но, когда «дело доходило до дела», все менялось: Александр Шамильевич становился выдающимся дирижером, строгим, предельно аккуратным, с которым даже представить себе было нельзя панибратских отношений. Интонацию домашнего общения никогда никто не переносил на работу.

жером, строгим, предельно аккуратным, с которым даже представить себе было нельзя панибратских отношений. Интонацию домашнего общения никогда никто не переносил на работу.

Первым спектаклем, показанным в Куйбышеве, — это было 11 декабря 1941 года, стала «Травиата», где вместе с М. Шмелькиной я исполнял испанский танец. Затем поставили «Демона», в котором мы с Тиной Галецкой выступили в лезгинке. Очень быстро возобновили «Бахчисарайский фонтан» и «Шопениану», спектакли, декорации которых постепенно подвозили в Куйбышев — «Лебединое озеро», «Дон Кихот», «Тщетная предосторожность». Постоянно проходили концерты на призывных пунктах и в госпиталях.

А. Радунский, Л. Поспехин и Н. Попко начали работу над балетом В. Юровского по А. Грину «Алые паруса», приехавший в Куйбышев Л. Якобсон поставил многие, ставшие потом известными концертные номера.

Все чаще стали приходить радостные вести с фронта, враг был отброшен от Москвы. И когда стало ясно, что в войне произошел перелом, было принято решение о возвращении театра в Москву. 13 июля 1943 г. нам были выделены два теплохода, на которых мы в течение недели плыли по Волге. Речной вокзал в Химках встречал нас с оркестром, флагами, транспарантами. наших солистов на руках несли к автобусам и автомашинам.

26 сентября 1943 года Большой театр открыл новый сезон оперой «Иван Сусанин», и я танцевал тогда с Валентиной Галецкой, Надеждой Капустиной и Ядвигой Сангович — прекрасными, неповторимыми, характерными танцовщицами. На спектакле в тот день присутствовали все члены Правительства.

Наверное, тогда, осенью 1943 года, коллектив Большого театра, в котором воссоединились те, кто был в Куйбышеве, с теми, кто работал в Филиале, в Москве, открывал новую страницу своей истории.

Владимир КУДРЯШОВ,
ветеран балета
Большого театра.